
Тени прошлого
Александр Диденко
18+

Александр Диденко
Тени прошлого

https://litres.ru/74717114
SelfPub; 2026

Аннотация

Он был сияющим небесным созданием — а стал одним из тех, кого привечает дешёвый отель с говорящим названием «Падший». Двести лет изгнания, опалённые крылья, утраченная благодать и вечная раздвоенность: Бог взывает о прощении, Дьявол требует наказания, а сам герой давно перестал понимать, кому из них принадлежит.

Каждый вечер в заброшенном сквере он проходит через мучительный разрыв души между ослепляющим светом и смоляной тьмой — пока однажды рядом не появляется загадочный Писарь, беспристрастный свидетель чужих судеб. Он приносит роковую новость: этой ночью небеса замолчат окончательно, привычное укрытие перестало быть безопасным, а тьма открыла на изгнанника охоту.

Фэнтези о падении, одиночестве и искуплении. О том, что прощение нельзя выслужить ритуалами — и что земной мир, который герой двести лет считал тюрьмой, на самом деле может стать его полем боя. Ведь падение — это только начало.

Содержание

Глава 1 4
ПАДЕНИЕ 4
Глава 2 7
Свет и тьма 7
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Александр Диденко
Тени прошлого

Глава 1

ПАДЕНИЕ

Боль. Ты так долго смотрел на неё сверху вниз, будучи уверенным, что она обойдет тебя стороной. Твоя жизнь текла легко, словно добрая сказка — пока судьба не привела тебя в наше общество. Ты попал в пространство, где предательство стало законом, а страх — воздухом. Ты ослаб, сник, не смог подняться на трон и упал. Но скажи мне: что изменилось? Что ты исправил в тот страшный миг?

Ты пал, опалив крылья и обуглив сердце. Боль проникла столь глубоко, что иссушила все семена милосердия в твоей груди.

Создатель одарил тебя щедро: любовью, благодатью и жаждой спасать слабых, потерявших дорогу и веру.

Но где твой путь теперь? Во что обратилась душа твоя?

В безмолвную пустоту.

Теперь до тебя дошло? Быть рядом с ним — это не дар, а испытание. Стоило лишиться всего, чтобы познать всю тя-

жесть падения.

— Я ступал рядом с ним. Я слышал глас его. Он верил в мое сердце... но я пал жертвой собственной слабости. Или рока? Меня сбили с истинного пути, принудили к падению. И лишь милосердие спасло меня от пламени. Его суд оставил меня здесь, в пыли человеческого мира. Возврата нет. Дорога наверх закрыта навсегда.

Но только не я. Где-то в глубине души еще тлела безумная искра надежды: обмануть судьбу, пробить брешь в непроглядном мраке и вернуться к нему, чтобы вновь припасть к его благодати. О чем молятся глупцы? Мне неведомо. Моим уделом стали круги ада, бесконечные муки и Тот, чье имя некогда было проклято на небесах. Теперь он стоял рядом, нашептывая, что жизнь во тьме обратится для меня в высшую награду — и величайший грех. Я буду молиться о его спасении. Я буду жаждать лишь одного — уберечься от адского пламени. Но жизнь безжалостно сломила меня, обратив в прах.

Моя история мрачна, под стать вашим омраченным душам. После падения я искал спасения в мире, о котором на небесах не мог помыслить даже в кошмарах. Чем всё закончилось? Я поведаю вам об этом. Быть может, в один прекрасный день и в вашем сердце вспыхнет свет, дарующий искупление перед лицом чистой благодати.

Я вечность бродил по земле, затерянный во времени и пространстве. У меня не было ни компаса, ни пункта назна-

чения. Мое израненное сердце металось в агонии, но я цеплялся за простую мысль: ничто не длится вечно, и мой крест когда-нибудь будет снят.

Я скитался среди людей, приняв их облик, но не их участь. Их города горели и отстраивались заново, царства рассыпались в прах, поколения сменяли друг друга, точно волны, разбивающиеся о подножие скалы. Я завидовал им: они умели забывать. Их раны затягивались, их горести умирали вместе с ними. Мои — жили во мне, не старея ни на день, высеченные в памяти, как письмена на надгробии.

Память стала моим единственным спутником — и моим злейшим палачом. Она не ведала пощады: среди шумной площади, в гуще чужого смеха, она накрывала меня внезапно, как ночь накрывает поле, и уносила туда, куда не было пути ни живым, ни мертвым. Туда, где я еще стоял в сиянии. Где звучал его голос. Где свет не жег, а лечил.

Я гнал эти видения прочь — и не мог. Ибо в самом сердце их жила она, та, чье имя я запретил себе произносить даже в мыслях. Всё, что случилось со мной после, началось с неё. И если вы желаете услышать мою историю до конца, начнем с истока.

Вспомните вместе со мной тот миг, когда я еще был ангелом.

Глава 2

Свет и тьма

Вспомни тот миг, когда он еще был ангелом. Когда стоял рядом, говорил с ним и слушал чистые слова, слетавшие с его лучезарных уст. В те дни он верил, что никогда не падёт, а его светлая жизнь искупит любые безумные порывы. Тогда он не ценил близость рая — в тот миг он слушал лишь тех, кто сбивал его с пути. Как коротка жизнь тех, чьи поступки идут наперекор воле Всевышнего.

Он любил до безумия, шел за ней, она была всем для него. Но судьба распорядилась иначе. Его любовь так и осталась лишь в сердце. Он клялся ей, что не оставит. Не будет ни единой секунды ее жизни, где она будет одинока. Но жизнь забрала ее, оставив ему лишь частицу ее души.

Эта частица, как маяк в безбрежном океане отчаяния, направляла его сквозь бури. Она была его проклятием и спасением одновременно, напоминая о потерянном рае и невыносимой пустоте. Каждый рассвет приносил лишь новую волну боли, каждый закат – предвкушение ночи, когда тени прошлого становились особенно зловещими. Он пытался забыться, но воспоминания, словно впившиеся в плоть иглы, не давали покоя.

Мир вокруг него потускнел, утратил краски. Люди казались лишь тенями, их радости и печали – лишь отголосками давно забытой мелодии. Он стал отшельником в толпе, вечным странником, ищущим покоя. Пустые взгляды, бездумные слова – все это лишь усиливало его отчуждение.

Его путь вел к краю, где реальность переплеталась с кошмарами. Он искал выход, но находил лишь новые стены, новые преграды. В каждом отражении он видел ее лицо, в каждом шорохе – ее голос. Он боролся с призраками, но призраки жили внутри него, питаясь его болью и тоской.

Иногда, в редкие моменты просветления, он видел проблеск надежды, но она быстро гасла, уступая место вечной тьме. Его искупление, казалось, было бесконечным, а его дорога – без конца. Он был обречен нести свой крест, пока не растворится в вечности, оставив после себя лишь эхо несбывшихся надежд.

Но даже в самой глубокой тьме, где, казалось, не осталось ничего, кроме боли, зарождалось нечто иное. Эта частица её души, что так долго была маяком, начала трансформироваться. Боль не уходила, но обретала новый смысл. Это уже не было просто напоминанием о потере, а тихим, но настойчивым призывом к действию. Он начал видеть не только пустоту, но и возможность заполнить её. Не её отсутствием, а чем-то новым, чем-то, что могло бы придать смысл его дальнейшему существованию.

Он стал искать утешение не в забвении, а в созидании. На-

чал писать, творить, перенося на холст или в строки свои переживания, преображая их в нечто прекрасное, пусть и наполненное грустью. Его отчуждение от мира стало его преимуществом: он мог наблюдать, чувствовать, не будучи вовлеченным в суету, и переносить это на бумагу или полотно. Мир, который потускнел, начал обретать новые, более глубокие оттенки, видимые лишь ему.

Его путь к краю остановился. Он не нашел выхода из лабиринта, но научился жить внутри него. Кошмары стали его спутниками, но уже не хозяевами. Он научился принимать их, извлекать из них уроки, а не бороться. Лицо её в отражениях теперь не вызывало лишь мучительной тоски, а вдохновляло на новые свершения, на попытку сохранить её память, передать её свет другим.

И тогда, в те редкие моменты просветления, надежда перестала гаснуть. Она стала не проблеском, а ровным, устойчивым светом, который освещал его путь. Искупление не было бесконечным, оно обретало форму. Его крест не стал тяжелее, он стал частью его самого, инструментом для прохождения оставшегося пути. Он был обречен прожить эту жизнь, наполненную смыслом, даже если этот смысл был рожден из потери. Он растворялся не в вечности, а в настоящем, оставляя после себя не эхо несбывшихся надежд, а тихие, но сильные произведения, наполненные глубиной человеческого страдания и непоколебимой силой духа.

И вот так прошло всё то, о чём он и не мог мечтать. Она

ушла. А вместе с ней ушло и всё хорошее в нём. И в этот момент он призвал тьму. Тьма окутала его полностью. Он знал, что надо принять бой с самим собой. Но он был слаб.

Тьма не была врагом; она была единственным честным собеседником в мире, который превратился в декорацию. Он позволил ей залить свои легкие, вытеснить остатки воздуха, пока дыхание не стало лишним. В этой густой, осязаемой мгле голос Создателя затих, а шепот того, кто ждал его внизу, стал оглушительным.

Он закрыл глаза, отдаваясь течению. Боль, которая годами разъедала его изнутри, наконец-то обрела форму — холодная сталь, сжимающая сердце. Но в этом холоде была странная ясность. Боль больше не была хаосом; она стала итогом, логическим завершением бесконечного скитания.

— Ты хочешь этого? — прозвучал голос, лишенный эмоций, но полный власти. — Стать частью меня, чтобы больше никогда не чувствовать одиночества?

Он не ответил. Зачем слова там, где говорят молчанием? Тьма вокруг него начала сгущаться, принимая очертания фамильярных стен отеля «Падший», но теперь стены теснились, стремились раздавить его своей тяжестью. Это был момент истины: либо он окончательно утонет в этой бездне, либо найдет способ превратить её в свой новый дом.

И тогда он понял. Тьма не пыталась его поглотить — она ждала его согласия.

Сделав последний шаг вперед, он перестал бороться. Со-

противление исчезло, оставив после себя лишь глубокий, изматывающий покой. В этот миг он перестал быть тем, кто ищет выход; он сам стал выходом. Свет, который он так тщетно пытался сохранить в своем сердце, погас, но на его месте вспыхнуло нечто иное — черное солнце, дарующее истинную свободу тем, кто больше не боится падать.

Он открыл глаза и обнаружил, что больше не находится в том месте. Окружающее пространство напоминало бесконечный коридор, где двери вели в разные времена его жизни, и из каждой доносились звуки, которые он так долго пытался забыть. Воздух был тяжелым, пропитанным запахом старой бумаги и застоявшейся пыли.

Навстречу ему медленно шел человек, чья фигура терялась в глубоких складках серого пальто. Лицо незнакомца было скрыто тенью, но голос, спокойный и надтреснутый, заставил его замереть на месте.

— Ты пришел сюда, потому что тебе больше некуда идти, верно? — человек остановился в нескольких шагах, сложив руки за спиной. — Твой мир разрушен до основания, и ты стоишь на руинах, пытаясь собрать из обломков то, чего никогда не существовало.

Он хотел ответить, но слова застряли в горле. Это было странно — чувствовать себя обнаженным перед этим человеком, словно тот видел не только его облик, но и каждую трещину в его израненной душе.

— Я не ищу спасения, — наконец выдавил он, чувствуя,

как пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки.

— Спасения здесь нет, — незнакомец едва заметно усмехнулся, и в этом жесте промелькнуло что-то бесконечно усталое. — Есть только осознание. Ты потратил годы на то, чтобы оплакивать свет, который погас. Но посмотри вокруг. Здесь нет света, но ты всё еще видишь.

Незнакомец сделал шаг вперед, и теперь в полумраке стали видны его глаза — пустые и холодные, лишенные жизни. В них отражалось то самое черное солнце, которое недавно вспыхнуло внутри него самого. Теперь он понимал: этот человек не был чужаком. Он был зеркалом.

— Ты думаешь, что тьма — это конец, — тихо продолжил незнакомец, внимательно наблюдая за его реакцией. — Но разве свет имеет значение, если вокруг него нет тени? Без этого холода ты бы никогда не понял, что значит согреться.

Он попытался отвернуться, но ноги стали ватными. В этом месте гравитация казалась иной: каждое движение требовало неимоверных усилий, а мысли путались, превращаясь в бессвязный шум. Незнакомец, заметив это, сделал еще один шаг к нему, на этот раз протянув руку, но не коснулся. Между ними оставалось расстояние, которое казалось непреодолимой пропастью.

— Ты так долго бежал от этого момента, — произнес он, и в его голосе прозвучала странная, почти забытая нежность. — Ты верил, что искупление — это возвращение к тому, кем ты был когда-то. Но ты не можешь вернуться назад. Ты мо-

жешь только идти вперед, принимая всё, что встретишь на своем пути.

— А если там нет ничего? — спросил он, чувствуя, как в груди нарастает глухая паника.

Незнакомец наконец улыбнулся — едва заметно, одними уголками губ.

— Там есть то, что ты сам создал из своей боли. Свет не исчезает, он просто меняет форму. Посмотри на свои руки.

Он взглянул вниз и замер. Между его пальцами, в самом центре ладони, тлела крошечная искра, такая слабая и хрупкая, что казалось — достаточно одного вздоха, чтобы она погасла навсегда. Но искра не гасла; напротив, она пульсировала в такт его сердцу, наполняясь силой с каждым ударом. В этом маленьком огоньке была заключена вся его прошлая жизнь: и любовь, и предательство, и бесконечный поиск.

— Это всё, что у тебя осталось, — сказал незнакомец. — И этого достаточно, чтобы осветить путь даже в самом глубоком забвении. Тебе больше не нужно бояться теней, потому что теперь ты сам стал источником света в этом мире.

Он сжал кулак, чувствуя, как тепло искры просачивается сквозь кожу, согревая замерзшие кости. В этот миг осознание обрушилось на него всей своей тяжестью: жизнь никогда не была вопросом выбора между светом и тьмой. Истинная суть заключалась в том, чтобы неистово цепляться за остатки тепла, когда вокруг тебя воцаряется бесконечный холод.

Слеза, невольно скатившаяся по щеке, оставила влажный

след на бледной коже. Он понял, что больше не хочет бороться с неизбежным. Боль, которая годами была его врагом, превратилась в единственную константу, связывающую его с реальностью. Без неё он бы просто растворился в пустоте, став еще одним бесформенным эхом в этом бесконечном коридоре.

Незнакомец медленно отступил назад, сливаясь с тенями. Его силуэт размывался, становясь частью общего сумрака, но голос всё еще звучал рядом, почти у самого уха, проникая в самую суть его существа.

— Жизнь — это не поиск ответов, — прошептал он. — Это умение задавать вопросы даже тогда, когда ты знаешь, что ответа не будет. Иди вперед. Не ради искупления или памяти. Иди ради самого пути.

Он сделал первый шаг. Под подошвой хрустнули осколки старого мира, превратившись в пыль и развеявшись в воздухе. С каждым движением искра в его руке разгоралась всё ярче, пока не превратилась в полноценное пламя. Теперь он видел дорогу — извилистую и мрачную, но ведущую куда-то дальше. Он больше не был ангелом и не был монстром; он был просто человеком, который принял свою израненную душу и решил идти дальше.

Впереди лежала бесконечность, полная новых потерь и новых обретений. Но теперь он знал: даже если свет окончательно погаснет, он найдет в себе силы идти на ощупь. Ведь самое важное было уже обретено — примирение с тем, что

он больше никогда не станет прежним.

Он шел, и пламя в его руке отбрасывало длинные, ломаные тени на стены коридора, которые теперь больше не пытались его раздавить. Безмолвие вокруг сменилось едва слышным гулом — шепотом тысяч голосов, сливающихся в единый поток воспоминаний, чужих и своих. Он не пытался вслушиваться в них; теперь он знал, что истина скрыта не в словах, а в тишине между ними.

Внезапно дорога оборвалась. Перед ним чёрная расщелина, провал в ничто, из которого поднимался ледяной ветер. Огонь в его ладони задрожал, почти погас, но он не отвёл взгляда. Там, на другой стороне, что-то едва заметно мерцало — слабый отблеск, который мог быть как миражом, так и последней возможностью.

Он вспомнил её голос, её смех, который когда-то был для него единственным законом. Эта память больше не терзала его - она стала опорой. Сделав глубокий вдох, он почувствовал, как холодный воздух обжигает легкие, возвращая его к жизни.

Он шагнул вперед.

Мгновение падения показалось ему вечностью. Он видел, как искра в его руке превращается в ослепительный луч, прорезающий мглу и разрывающий завесу забвения. Боль исчезла, сменившись странным чувством легкости — словно тяжелый крест, который он нес все эти годы, вдруг стал невесомым.

Когда он приземлился, под ногами оказалась не земля и не обломки стен, а холодный полированный мрамор. Он поднял голову и увидел знакомый потолок с лепниной и тяжелыми люстрами. Отель «Падший» принял его обратно, но теперь всё вокруг казалось иным. В воздухе больше не было запаха тлена — только едва уловимый аромат её духов и горький запах старого вина.

— Добро пожаловать домой, — раздался голос за спиной.

Он обернулся и увидел её. Она стояла в дверях комнаты, такая же, какой он помнил её в последний день: в легком белом платье, с волосами, рассыпавшимися по плечам. Но её глаза... в них больше не было жизни. Только бесконечная печаль и тихая просьба о прощении.

— Прости меня, — прошептал он, чувствуя, как сердце сжимается от невыносимой близости и одновременно бесконечного расстояния.

Она не ответила, лишь слегка наклонила голову. В этом жесте он узнал всё то, что осталось несказанным между ними за все годы разлуки. Она выглядела хрупкой, почти прозрачной, словно была соткана из утреннего тумана и забытых снов. Её губы дрогнули, и он увидел в них отражение своего собственного отчаяния.

— Я ушла, — её голос был почти не слышен, но он разлился внутри него ледяным потоком. — Ушла, потому что не могла видеть, как ты сгораешь в своём чувстве вины. Я хотела спасти тебя, но в итоге обрекла нас обоих на это веч-

ное молчание.

Он сделал шаг к ней, протягивая руку, но пальцы сомкнулись лишь на холодном воздухе. Она была здесь и одновременно за миллионы миль от него — в ином измерении, где время перестало иметь значение. Она смотрела на него с такой любовью и такой бесконечной скорбью, что он едва мог дышать.

— Мы оба ошибались, — ответила она, и её образ начал медленно бледнеть. — Но теперь тени всегда будут рядом с нами. Они стали нашей единственной истиной, нашим единственным домом.

Она исчезала, становясь частью той самой тьмы, которую он так долго пытался победить. Но теперь он не чувствовал страха. В глубине души он знал: она не оставила его. Она просто слилась с миром вокруг него, став частью каждого шороха, каждой тени и каждого вздоха.

Он делил мир на свет и тьму с той самой первой ночи, когда перестал быть кем то, и это деление держало его крепче, чем держит взрослого человека привычка возвращаться к одному и тому же окну.

Свет был сверху, свет был прежде, свет был тем, из чего его вынули, как вынимают гвоздь из доски. Светом было всё, чего он больше не имел, — и он никогда не называл свет по имени, потому что имя требовало точности, а точность требовала признать. Он не просто потерял, а отказался. Тьма была здесь, внизу: она была в каждом номере отеля, выкра-

шенного так давно, что краска взялась рябью, она была в запахе воды, поднимавшейся по стенам первого этажа каждую осень, она была в каждом человеке, приходившем к нему за дверью.

Так он и жил: свет — то, чего не вернуть; тьма — то, что можно держать в руках.

Он зажигал свечу в нише за стойкой ровно в полночь и не гасил до рассвета, и это было не привычкой, а условием: пока горела свеча, у отеля был свет, а значит, у отеля было и основание стоять на своём месте. Гости приходили к нему за светом.

Они никогда этого не говорили и он научился слышать в их словах то чего никогда не произносили. Человек в пальто на два размера больше просил «просто постоять, я никого не потревожу». Просил он, чтобы ему позволили хоть один раз в жизни побыть тем, кто ничего не должен. Женщина, у которой пахло кухней и дымом, спрашивала, не найдётся ли чаю, а спрашивала, не найдётся ли места в мире, где её не будут опять пересчитывать. Мальчишка, поджимавший рукава, интересовался, «до утра далеко?», а интересовался он, далеко ли до того времени, когда всё уже случится без него.

Он выносил им лампу.

Он не умел ничего другого. Он не мог ни отпустить их грехи, ни вернуть им потерянное, неумел врать так, чтобы это сработало. Он мог зажечь ещё один огонь и поставить его между собой и человеком. Ведь в свете того, что он дал лю-

дям стало видно друг друга, а не только то, что у них отнято. И это работало почти всегда: к утру уходили примирённые, унося с собой своё, и он не спрашивал, что именно, потому что не был вправе отбирать у человека даже заблуждение.

А потом всё поменялось.

Поменялось не событием и не горем — просто в одну из ночей он начал чувствовать чужие жизни на слух, и в это чувство вошло столько боли, что держать его оказалось нельзя.

Женщина в третьем номере говорила о своём сыне ровно, ласково и без единой жалобы, а он слышал, как в её ровном голосе стоят шестнадцать лет молчания, и в каждом из шестнадцати — по четыре утра на пустой кухне. Человек в пальто желал ему доброго вечера, и в этом добром вечере было столько вины, что она лежала тяжелее всякого преступления. Мальчишка улыбался, и в улыбке стоял испуг, с которым подросток обнаруживает, что мир взрослых — это такой же испуг, только хорошо запертый.

И он перестал понимать, где кончается один человек и начинается следующий.

Ему говорили все сразу — те, кого он когда-либо видел, и те, кого не видел никогда; говорили, просили, плакали, оправдывались, и голоса их, сплетаясь в один, несли одно и то же: им больно, они не успели, их никто не научил. И боль эту они приносили с собой. Больше отеля, больше дождя, больше той его собственной утраты, о которой он так долго думал, что ничего больше на свете не бывает.

И тогда он сделал то, что делают все, кому открылось слишком много: он запретил себе свет.

Он сказал себе, что свет — это ложь, потому что свет утешает там, где утешать непозволительно. Он сказал себе, что надежда — это форма взятки, которую человек платит собственной совести за право ничего не менять. Он выпустил свет из своих рук, как выпускают птицу, которую держали не для того, чтобы отпустить, — и стал жить в темноте, где ничего не было видно, а значит, ничего и не требовалось прощать. И это было почти покойно. Это было настолько покойно, что он однажды задержал дыхание и на минуту поверил, что нашёл выход.

Вдова сидела в кресле и улыбалась в сторону окна, где никого не было. Мальчишка разговаривал с кем-то, стоявшим у лестницы, и говорил с ним так, как говорят с человеком, вернувшимся издалека. Человек в пальто шептал на два голоса — свой и чей-то ещё, — и второй голос отвечал ему любовно и спокойно. Все они были рады, все устроены, все спасены.

Он прошёл между ними, держа ладонь над свечой так, чтобы свет упал им на лица, и увидел, что лица эти держатся сами, без его света.

Он шёл от кресла к креслу, и в каждом лице ему открывалась одна и та же форма: та самая улыбка, которую человек надевает, когда ему предложили удачную версию себя, и он не стал искать правды, потому что правда была бы дороже.

Один и тот же покой. Одно и то же «я всегда держал её за руку». Один и тот же чайник на несуществующей кухне.

Люди читали себя — и читали правильно, по-своему, до последней буквы, — а он стоял среди них и видел, что ни один из них на самом деле не пришёл.

Он поднялся в номер, в тот, где когда-то была кровать и окно в косую полоску, и увидел, что окна нет.

Там, где оно было, лежала стена, ровная и чистая, как стена, которую никогда не пробивали. Он обошёл её рукой — штукатурка была холодная, осенняя, с той же рябью, что на первом этаже, и в глубине, под слоем, отзывалось то, что он принимал за свет с улицы: не отражение, а память об отражении. Он снял со стола свечу и поднёс её к этой стене, и стена дала тень; тень была его. И тогда он понял, что это была не память даже, а привычка.

Он вышел на улицу и не нашёл улицы.

Дождь шёл, потому что он всегда шёл; ветер был, потому что он его помнил; впереди темнели деревья — те же три дерева, что стояли в его настоящей жизни у дома, который он не построил. Он прошёл до угла и увидел, что дальше нет дороги, а есть та же стена, что в номере: чистая, крашеная, без единой трещины. Он вернулся к отелю и увидел, что вывеска написана его собственной рукой — той, которой он не писал вывесок никогда.

И на пороге стояла женщина.

Она стояла там, где стояла всегда, — в дверном проёме,

в цвета заношенного вечернего неба, — и не потому, что ей было велено. Она единственная имела вес. Единственная отбрасывала тень в сторону, противоположную его тени. И когда он подошёл к ней вплотную, запахло не отелем, а чем-то давним, летним, чужим, чего он не мог выдумать даже в своей лучшей ночи.

— Ты понял? — спросила она.

— Что всё это — я, — сказал он. — Отель. Гости. Дождь. Имя, которым я держу свечу.

— Не всё, — сказала она спокойно. — Не всё.

Он вернулся в холл и сел на пол, прислонившись спиной к стойке, потому что стоять было уже ни к чему.

Свет и тьма, между которыми он так долго и так честно выбирал, оказались не двумя мирами и даже не двумя сторонами одного. За белой дверью не было рая, за чёрной не было пропасти. За обеими стояла одна комната, где для него всё ещё горела лампа, и комната эта была сделана его руками из материала, который он собирал всю жизнь по чужим лицам.

Мир был иллюзией — не обманом, нет; иллюзией в том единственном смысле, в каком этот мир вообще существует: он был прочитанным, а не прожитым. Каждый здесь читал себя и уходил с тем, что успел взять, пока держал ладонь на строке. И он, тот, кто держал свечу и делил дни на свет и тьму, был не судьёй этому городу, а его тенью.

Тут не жили люди. Тут жили оправдания, сшитые в пе-

реплёт, и каждое из них ходило по холлу в пальто, просило чаю и называло себя именем человека, которого когда-то защищало. Свет, который он выносил гостям, был светом зала заседаний: он падал на их лица так, чтобы лица выглядели правыми. Тьма, в которую он сам ушёл, была той же комнатой, только с закрытыми шторами, — потому что человеку, живущему внутри «потому что», темнота нужнее огня: в темноте не видно, что объяснений на всех не хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.